

УДК 94(571.1)
DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-220-223

Н. Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва, РФ

Антропология повседневности в социальной памяти советских женщин-ученых (на примере Новосибирска, 1950-е — начало 1990-х гг.)¹

Аннотация. В статье автор раскрывает быт и повседневность женщин-ученых в региональных научных центрах на примере Новосибирского Академгородка. Основой для исследования послужили воспоминания женщин о процессе создания Новосибирского научного центра. Проанализировав историю эволюции пространства повседневной жизни с точки зрения женского восприятия и женского типа меморизации автор приходит к выводу, что новосибирский Академгородок сформировывал особый тип культуры повседневности для женщин. Также автором отмечается, что высокий социальный статус и определенный набор привилегий ученых зачастую ставили в зависимость жен ученых от их мужей, диктуя условия сохранения брака и становясь тормозом в карьере. **Ключевые слова:** женщины-ученые, Новосибирский Академгородок, антропология повседневности, женская социальная память, гендерный подход.

Гендерный подход к изучению этнографии быта и повседневности различных социальных слоев российского общества выработан гуманитарным знанием последнего десятилетия XX в. Он стремительно завоевывает новых сторонников, поскольку позволяет придать объемность и детализацию тем картинам отдаленного и недавнего прошлого, которые ранее рисовались широкими, решительными мазками. В этом контексте любые исследования любого периода уже являются эвристически ценными, в особенности когда они нацелены на изучение социальных групп, мало привлекавших к себе внимание. Среди них, как ни странно, мы сами — быт и повседневность преподавателей российских вузов, исследователей в академических институтах редко изучаются с применением приемов и методов гендерной экспертизы социальных явлений. Таинственный мир социальных проблем, иной раз не всем понятных символов и табу, существующих в научно-преподавательской среде, может открыться культурному антропологу так же, как удаленная экзотическая культура путешественнику-этнографу, жившему в позапрошлом веке. Возможно, кто-то и назовет подобный подход «странной этнографией» [1]. Однако мне такой подход представляется совсем не странным: следуя принципу германских антропологов «копай, где стоишь!» [2], я уже не один год занимаюсь изучением женской части российского научного сообщества, но лишь недавно обратила внимание на то, что быт и повседневность женщин-ученых в отдаленных от столиц городах довольно сильно отличалась от жизни московских и ленинградских научных учреждений. Это наблюдение и заставило обратить внимание на важнейший научный центр России — новосибирский.

История Академгородка под Новосибирском началась в 1957 г. с постановления Бюро ЦК КПСС о создании Сибирского отделения АН СССР и строительства научных учреждений в 25 км от Новосибирска, причем сразу с благоустроенным жильем для сотрудников в сосновом бору на берегу Обского водохранилища. О том, какой путь прошла сибирская наука за прошедшие с тех пор 65 лет, написаны многочисленные исследования. Но «женский голос» мемуаристов в них почти не слышим. Даже первая публикация о женских именах сибирской науки — это исследование научного творчества и организации научных школ, отчасти — пересказ судеб ученых, но в них совсем не затронута женская обыденность и научный быт [3].

Вот почему эвристически ценно обратиться к женской социальной памяти об истории создания того уникального локуса междисциплинарного общения, каким был Академгородок. Воспоминаний женщин численно несопоставимо меньше, чем воспоминаний мужских со всеми типичными для мужских текстов чертами — меньшим вниманием к истории повседневно-бытового, с желанием пересказывать скорее события истории науки, нежели личностные переживания. Но женские мемуары есть, и они ценны тем, что содержат повседневную рефлексию и переживания, связанные с бытовыми практиками.

Первые жилые пространства для ученых технических и естественно-научных специальностей выросли одновременно с закладкой зданий для НИИ, начиная с лета 1958 г. Это были первые 6 домиков для ученых и избушка для семьи М. А. Лаврентьева, в которой жена академика подушками закрывала от метели окна.... Некоторые из ученых, формулируя отказ от предложения переехать из Москвы в Сибирь, ссылались на жен: «Я-то согласен, но вот моя жена — ни в какую!» Насильно никого не отправляли, но на подобные отказы были готовые ответы: «В Сибири много прекрасных женщин, и они смогут вам заменить несговорчивую супругу!»

¹ Подготовлено по гранту РФФИ 19-09-00191, Программе НИР ИЭА РАН, Программе РАН «Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Из прибывших в конце 1950-х по объявленному для людей науки призыву более 60% составлял неорганизованный поток мужчин; 14,5% — «прибывшие по семейным обстоятельствам» (после развода, по необходимости разъехаться со старшим поколением и т. п.), 8,5% — молодые специалисты по заранее объявленным направлениям, 9,3% — прибывшая на учебу молодежь, привлеченная «духом авантюризма и холодком неизвестности» [4].

Строящийся с 1957 г. поселок стал поначалу лоскутом смешения социальных страт, совместного проживания молодых научных работников и строительных рабочих «Сибкадемстроя», созданных по комсомольскому набору. Приехавшие весной и осенью 1958 г. поселялись в палатках, зиму с 1959 на 1960 г. им пришлось провести в деревянных бараках и щитовых домиках, поставленных прямо в лесу или на берегу Обского моря: «Снегу было так много, что иногда поутру невозможно было открыть входные двери. Их все-таки открывали, и мужчины, а иногда и женщины разгребали снег на дорожках, ведущих к дровам, к куче угля, к столовой, к производственным помещениям, и чистили дорогу, ведущую в строящийся городок...»

Даже примерную численность женщин в Городке в момент его создания подсчитать сложно. На сохранившихся фотоснимках женщин среди строителей немало, и они одеты в простую одежду, не похожую на одежду женщин из среды интеллигенции, все они в косынках, платках, в отличие от представительниц семей ученых — те на снимках со стрижками, с непокрытой головой [5]. Кого-то из жен, отправившихся вслед за мужьями, другим женщинам, уже переехавшим, приходилось уговаривать. «Я должна была убеждать их, что в Новосибирске у них будет интересная жизнь...» — вспоминала одна из первых женщин-академиков математик П. Я. Кочина [6].

Магазинов в растущем городке не было, снабжение осуществлялось через систему совместных заказов на всех, организацию таких закупок брали на себя приехавшие из столиц со своими мужьями-учеными жены. Им же приходилось продумывать последовательность использования бани, пока все приехавшие жили в полупоходных условиях и «воду ведрами таскали из Зырянки и печи топили собственноручно заготовленными дровами». Еще одной сложностью оказалось отсутствие роддома, ясель и детских садов. «Семейные сотрудники институтов не понимали, что им делать. Как работать, как жить. У подавляющего большинства не было бабушек, и детей не на кого было оставить», потому неудивительно, что «первый неофициальный детский сад» устроили сами жены ученых под руководством «первой леди» Академгородка В. Е. Лаврентьевой.

Вспоминая позже то непростое время, «сибирские академинь» (как их позже назвали жители Академгородка) полагали, что их пространство повседневности было пространством свободы: «Мы жили на свободе; свобода творчества и свобода жизни —

это все взаимосвязано». На пустыре между строящимися и жилыми домами была открытая сцена-площадка, на которой не только в вечернее, но и в обеденное время можно было увидеть танцующих: «строители Академгородка приносили патефон, ставили пластинки и приглашали девушек танцевать — отказов не было».

По советской традиции корпоративности научных учреждений жены ученых сами были научными сотрудницами или выполняли какую-либо близкую к научной сфере работу в административном аппарате институтов, «каждая имела какую-нибудь специальность», хотя и «не все сумели найти на новом месте подходящее для себя занятие, одни сделали только женами, матерями и помощницами своих мужей, другие работали в редакции журналов». Но большую часть времени жительницы городка все же работали.

Уборку своих квартир после рабочего дня все его жительницы делали сами. Значимую часть пространства их женского быта составляли культурные миры прошлого и настоящего. Щитовой домик академика П. Я. Кочинной был «обставлен причудливой смесью из чешского гарнитура «Аллон» и ящиков из под яиц, апельсинов и химреактивов, в которых приехал багаж». Подобный интерьер был у Лаврентьевых. Аскетичный интерьер (гостиная, спальня, рабочий кабинет) дополняла «утепленная веранда — добавка к „избушке“, со множеством комнатных растений, которые хозяйка явно предпочитала гарнитурам и „стенкам“». В этих домиках супруги ученых и сами научные работницы готовили и отмечали вместе праздники, встречались на воскресных обедах: «семейные и холостые, хорошие или плохие, мы все бываем часто в нём, и все мы любим этот дом, где скучных церемоний светских, по счастью, и в помине нет». Стульев на всех не хватало, молодежь рассаживалась «на полу, на шкуре, что лежит в углу» и «пела песни, иногда тут же сочиняемые». Общей формой досуга был и совместный просмотр телепрограммы: «в 1959 или 1960 году супруги купили телевизор „Темп-3“, по нему шла только одна программа. Смотреть художественные фильмы к Белинским собиралась вся городковская молодежь, будущие доктора и академики».

Особый дух свободы, который был типичен для Академгородка, поддерживался обсуждением на таких встречах информации «разноязычных радиостанций свободного мира» (те из жен, кто, как и В. Е. Лаврентьева, владел иностранными языками, «воспринимали информацию взволнованно, критично, насмешливо») [7, с. 344]. Трудно представить иной город в СССР даже времен оттепели, в котором бы на Первомайском шествии впереди демонстрантов «были не флаги и транспаранты, а молодые мамы с колясками, в которых ехали первые новорожденные Академгородка» (Рыцарева). Это пространство коллективного «мы» было столь значимо для женщин, оказавшихся в Сибири со своими учениками и единомышленниками (как математик П. Я. Ко-

чина, как экономист Т. И. Заславская), что могло оказаться значимее комфорта. Оно «объединило всех в сообщество, в котором пироги и кофе стали общими, как постоянная взаимовыручка – неотъемлемой частью быта».

Жившие «научной коммуной», женщины Городка не жаловались на отсутствие приватности. В их пространстве повседневности была объединенность желаемая, а не навязанная обстоятельствами или властью... В праздники двери не запирали, ходили с поздравлениями, общим пространством была лужайка («однажды Наташа Притвиц позвала встречать Новый год на природе. Расчистили в лесу местечко, повесили гирлянды, провели свет... незабываемо!»). Многие первопоселенцы вспоминают, что после символического подарка Н. С. Хрущева, приехавшего в Академгородок в 1959 г. и распорядившегося о строительстве двухэтажного коттеджа для супругов-академиков, они остались в старом домике: «Излишество площадей, нарочитая комфортность тяготили „первую леди“, лишенную нуворишеской тяги к роскоши, к вызывающей демонстрации благополучия». Но позже среди женщин было немало как раз тех, кому переезд сулил просторные квартиры рядом с магазинами, обеспеченными отличным ассортиментом, возможность сменить «низкое небо и застойную атмосферу» на «город-новостройку, где можно быстро получить квартиру и устроить жизнь по душе». Будущий академик Т. И. Заславская в 1963 г. была кандидатом наук с двумя дочками; она переехала в Академгородок по причинам, подтолкнувшим многих: «безденежье, теснота, ограниченность времени для работы», и в 1965 г. уже защитила докторскую, создав новый курс по экономсоциологии, а в 1968 г. стала членом-корреспондентом [8].

Контраст пространства неустроенного быта и возможностей, которые были недоступны советским людям, но желанны, явила поездка в 1961 г. во Францию делегации ученых Академгородка с женами и аспирантами (большая редкость по тем временам). Так пространство повседневности аспирантов, приехавших в Академгородок из ЛГУ и вдруг побывавших в Париже, стало конструироваться под влиянием полученных впечатлений, тем более, что с 1961 г. в Академгородке начался второй этап освоения пространства – жизнь в новых капитальных домах.

Академик П. Я. Кочина получила двухкомнатную квартиру, Н. А. Притвиц – однокомнатную, но тут же уступила ее семье с ребенком, оставшись в щитовом холодном домике («Иной раз не хватало энергии на растопку, ложилась спать в холодном помещении. Утром на лыжах пробегала три километра до института»). Часто заселение шло путем создания «коммуналок» (в трехкомнатных квартирах поселяли две семьи (каждой по комнате, общие столовая и кухня), потом «квартиры с подселением» расселяли, предоставляя большие жилые пространства: «Пройдешь по квартире – простор, есть чем дышать», – писала

Т. И. Заславская сестре. «Скромные бытовые условия казались раем, ведь страна тогда стонала от бараков и коммуналок».

Под новые «малогабаритки» поставлялась соразмерная мебель, и когда средств на ее покупку не хватало, почти нормой была беспроцентная помощь деньгами молодым семьям семьями профессоров и академиков. Первыми получали новое жилье семейные, но холостяки «знали: ждать нового ордера придется недолго» (реже случалось ожидание по несколько лет). Новые дома рядом с НИИ ставились сразу группами, образуя зеленые дворы с площадками для отдыха и игр, открытыми автостоянками, площадками для сушки белья. Множество навесов, беседок, скамеек создавали пространство для общения, в каждом микрорайоне имелся свой общественно-торговый центр – Дом быта (магазины, парикмахерская, почта, сберкасса, прачечная), школа, детсад, клуб. И все было «не провинциальное и не московское, а свое, особенное!»

Женское любопытство ко всему бытовому помогло сохранить в памяти не только простые перечни нехитрой мебели, вносившейся в новые дома (диваны, столы, коробки с книгами), но и историю «механизации» кроваток изобретателями; так физик В. Минин «приспособил к кровати своих близнецов моторчик, и дети физика укачивались с помощью электроэнергии». В то время как в Москве и Ленинграде большинство квартир имело газовые плиты, жительницы Академгородка (побывав во Франции) настояли на том, чтобы вместо дешевого, но взрывоопасного газа дома иметь электрические печи и электроплиты.

Жизнь наполняла ощущением перспективы, учила умению жить и работать в команде, ставить цели и достигать их, являла примеры достижимости задуманного и финансового благополучия в случае успеха. Жены и дочери профессоров привыкали к просторным бесплатным квартирам четырехэтажных домов на Морском проспекте, по две квартиры на этаже. Это и отдаленно не напоминало московские «хрущевки»! Членкоры и академики с семьями могли рассчитывать на двухэтажные коттеджи в «Золотой долине». Личные автомобили, поездки за рубеж на конференции и конгрессы (даже в статусе жен участников), прием именитых гостей, особый стол заказов (не только продуктов), высокий размер зарплаты – все это предоставлялось жителям «академического Олимпа», и это расслоение сильно отличало их повседневность от быта рядовых научных работниц. Однако принадлежность к научному содружеству не позволяла достигнувшим научных высот кичиться теми благами, которые давало государство, и в их воспоминаниях эти нравственные нормы весьма ощутимы...

* * *

Если следовать известному уже полвека определению сути нашей науки, данному М. О. Косвеню («Этнография – это наука о мелочах») [9], то прове-

денный анализ истории эволюции пространства повседневной жизни с точки зрения женского восприятия и женского типа меморизации имеет познавательное значение. Ныне лучше можно понять бытовой контекст складывания того уникального феномена в истории отечественной науки, каким был новосибирский Академгородок в период политической оттепели и ранней стагнации, «это была «форма жизни». Корпоративная научная среда, взаимопомощь и тесные дружеские связи интеллектуальной элиты позволили сформировать особый тип культуры повседневности, в которой любые ограничения для женщин могли быть продиктованы не столько гендерными установками, сколько собственными желаниями, амбициями, способностями и внутрисемейными правилами. История Академгородка доказала, что ученые имели здесь высокий социальный статус и определенный набор привилегий (поездки за границу, спецснабжение, благоприятные жилищные условия, карьерные преимущества для детей). Они зачастую ставили в зависимость жен ученых от их мужей, диктуя условия сохранения брака и становясь тормозом в карьере (не получать ученой степени или звания раньше мужа, не переходить дорогу супругу). В совокупности с общими советскими семейными установками, предполагавшими выполнение

именно женщинами домашней работы [10], это было причиной того, что руководящие должности, известность и признание получали почти исключительно ученые-мужчины, а их жены были для них поддержкой и опорой.

N. L. Pushkareva

Anthropology of daily life in the social memory of Soviet women scientists (using the example of Novosibirsk, the years 1950-ths – the beginning of the 1990-ths)

Annotation. In this article the author reveals the way of life and daily life of women scientists in regional scientific centers using the example of Novosibirsk Academic Town. The basis for this research was the recollections of women about the process of creation of Novosibirsk scientific center. Having analyzed the history of the evolution of daily life space from the point of view of women's perception and female type of memorization the author comes to the conclusion that Novosibirsk Academic Town formed a specific type of daily life culture for women. The author also points out that the high social status and a certain number of privileges for scientists made the wives of scientists dependent on their husbands, predetermining the conditions of saving the marriage and becoming an obstacle for their careers. **Keywords:** women scientists, Novosibirsk Academic Town, anthropology of daily life, female social memory, gender approach.

Источники и литература

1. Varenne H. About Piere Bourdieu «Homo Academicus» // Teachers College Record. 1988. V. 91. P. 263–265
2. Lindquist S. Grabe, wo du stehst // Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags / Hrsg. von H. Ehalt. Wien – Köln-Graz, 1984. S. 295–305.
3. Запороженко Г. М., Шелегина О. Н. «Сибирские академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук // Исторический курьер. 2019. № 3(5). С. 237–250.
4. Марчук О. Н. Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет. Новосибирск Сибирский хронограф, 1997. 236 с.
5. Володарская Е. А., Разина Т. В. Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 125–127.
6. Кочина П. Я. Воспоминания. Москва Наука, 1974. 300 с.
7. Ибрагимова З. М. Низкий поклон, Вера Евгеньевна... // Российская академия наук, Сиб. отд-ние Век Лаврентьева / сост. Н. А. Притвиц, В. Д. Ермиков, З. М. Ибрагимова. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000. С. 343–346.
8. Докторов Б. Судьба для романа. К 80-летию Татьяны Заславской // Кстати. 2007. № 650. 30 авг. С. 20–21.
9. Чеснов Я. В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 6–9.
10. Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt. München 2017. 912 p.